

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

Г.С. Померанц

ВЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Выступление в Институте истории по докладу
М.А. Барга о формациях и вариантах формаций.

Я вероятно буду продолжать линию, которая здесь уже была начата. Я сочувствую идее исследования вариантов формаций, но не сочувствую традиционному выведению всего из базиса. Я попытался показать, но крайней мере, что различные культуры Индии и Китая из базиса — в обычном его понимании — не выводятся.

Как, по-моему, возникла концепция формаций? Существовала всем известная стадийная типология: древность, средние века и новое время. Но на этот уже имевшийся материал наложилась идея историков расставания о развитии классов и классовой борьбе. И вот тогда Марксу открылось, что каждое общество (об этом, собственно говоря, знали и раньше, но не представляли все значение этого) имеет совершенно определенную классовую структуру. Скажем, в древности была классовая структура, основанная на противопоставлении рабов и рабовладельцев, она характерна для греческо-римской древности. В средние века мы видим уже другую классовую структуру — противопоставление помещиков и крепостных. В новое время появляется новая классовая конфигурация — буржуазия и пролетариат. Таким образом, мы видим процесс разрушения старых классовых структур и возникновения новых классовых структур.

И вот с этой точки зрения чисто хронологическое деление на древность, средние века и новое время может быть понято, как смена определенных общественных структур, определенных классовых структур, которые в конце данной эпохи разрушались и на смену им возникали новые классовые структуры. Вот это сочетание стадий и определенной структуры можно, мне кажется, считать формацией.

Что же происходит в Азии? Есть ли эти процессы в Индии или в Китае? Мне кажется, что, когда мы подходим к истории Китая или Индии, то там таких процессов деструктуризации и реструктуризации мы не видим. В Китае мы 2000 лет подряд находим противопоставление ученых-чиновников и неученых — простолюдинов. В истории Индии — стойкое деление на касты, высшие и низшие. Само собой разумеется, что высшие касты Индии всегда стремились обзавестись какой-нибудь собственностью, и так как основным видом собственности там была земля, то, как правило, эти высшие касты были связаны с земельной собственностью. Но далеко не всегда! Это не классы в точном марксистском смысле слова. Это — особый слой, связанный с особой конфигурацией общества. Слой, присвоивший себе известное положение в общественном целом, а не собственность. Присвоивший себе это положение с помощью идеологических средств, благодаря монополии на знание. В Индии — в его религиозной форме, а в Китае — в форме государственной мудрости. Эта структура, хотя слегка колебалась, но по настоящему не менялась; в Китае, начиная с периода Хань и до конца империи Цин, основным источником влияния было положение в государственном аппарате, а не богатство. В Индии мы все время находим систему варн: брахманов, кшатриев, вайшьев, шудр и более мелких каст. И пусть шудра станет помещиком или миллионером, он все равно останется шудрой.^{х)}

Такая устойчивость характерна и для Индии, и для Китая. Хотя Индия и Китай представляют собой совершенно особые структуры и между ними больше различий, чем сходства, но обе структуры не привязывают общественного положения к собственности и поэтому допускают изменения в

х) Это не совсем точно. Местная каста или подкаста, накапливая знаки авторитета, может подняться в местной иерархии каст и постепенно даже переместиться в другую варну, создав себе линию родословную. Однако механизмы мобильности в Индии — действительно самый тяжеловесный, сравнительно с другими культурными мирами. Г.П.

формах собственности без изменения структуры общества. Решительных перестроек мы там не находим. А между тем, некоторые стадийные сдвиги происходят. В Индии, в Китае, в Средиземноморье где-то между IV и II вв. до н.э. возникает философия; приблизительно в это же время возникают культ "новозаветные", реформированные религии, религии нового типа, содержащие в себе нечто от философии. Приблизительно в это же время складываются мировые империи, которые фактически являются крупно региональными империями. Однако в Средиземноморье процессе связан с тем, что полностью рушится известная социальная система и вместо нее возникает новая. А в Индии и Китае элита сохранилась и, сохраняя свое положение, двигается сама и подвигает всю общественную структуру в нужном направлении. Переход от "античного" общества к "средневековому" происходит чисто идеологически, без разрушения социальной структуры. Увеличивается роль мистики (в средние века), потом (по крайней мере в Китае) снова усиливается рационализм, а крестьяне остаются в прежнем положении. Точнее, в их положении все время происходят одни и те же колебания, входящие, так сказать, в норму.

Что же, в таком случае, вызывает исторические сдвиги? Этот вопрос мне представляется возможным решить вот как: все-таки, в основе всех изменений, если мы будем смотреть в самое сердце вещей, а не в слова, лежит изменение в человеке. Если мы говорим об изменении производительных сил, нужно понять, что здесь является активным, что — динамичным. Предметы труда сами по себе не развиваются, — их развивают. Орудия труда сами по себе не развиваются, — их развивают. Это директивные моменты производительных сил. Динамичным моментом является сам человек, в функции рабочей силы. Но рабочая сила может быть расчленена на интеллектуальную рабочую силу и на физическую рабочую силу, причем активным элементом является интеллектуальная рабочая сила.

Что же мы находим в производительных силах, как активный элемент? Мы там находим, в конце концов, тот самый

интеллект, который создает и культуру. В круговороте мышления и практики (в том числе экономической практики) в какой-то момент происходит скачок в развитии интеллекта, вызывающий за собой скачки в других сферах (религиозной, политической, экономической и т.д.), которые в свою очередь стимулируют развитие интеллекта.

Таким образом, развитие интеллекта является динамическим началом и в развитии духовной культуры, и в развитии производительных сил в целом. Когда мы противопоставляем друг другу застывшие элементы в области культуры и в области экономики, то мы видим, с одной стороны, систему архаизмов, а, с другой, — храм; можно их противопоставить. Но, если проанализировать элементы развития человеческого творчества, то, оказывается, что эти элементы очень тесно связаны между собой.

С моей точки зрения, в некоторые периоды происходил скачок интеллекта, который проявляется и в культурной области, и в политической и экономической области. Но так как каждая цивилизация практически приспособляется к очень конкретной среде, то как раз в той сфере, которую принято считать базисом, были очень большие различия, ибо те конкретно-исторические условия, которые были, скажем, в Индии, очень резко отличались от конкретно-исторических условий Средиземноморья. Поэтому складывались культуры весьма различные.

Если все то, что я говорил, признать более или менее доказанным, то, что же следует считать формацией? Если мы возьмем Средиземноморье, то там известная классовая структура совпадает с известной стадией. Но если взять, скажем, Китай, или Индию, то там известная классовая структура в течение ряда стадий практически является неизменной.

Таким образом, понятие формация, если его взять как синоним античности или средних веков и потом приложить к Индии или к Китаю, не совпадает с понятием "классовая структура". Следовательно, нельзя понятие формация прилагать к Индии и к Китаю, или же надо пойти по тому пути, по которому пошел Маркс в его набросках письма к Засулич,

т.е. считать формацией только очень крупное деление — все докапиталистические классовые системы, основанные на частной собственности. Но тогда для явления типа "античность" и "средние века" надо найти другое название.

Мне кажется, что конкретно единой формацией был только капитализм, который создал, действительно, какое-то мировое единство. Что же касается периода времени до капитализма, то в Средиземноморье мы можем установить отдельные стадии развития общества, отвечающие идее формации, а в Китае и в Индии этого нет. Это не только теоретическая проблема истории, а практическая проблема современности. Капиталистическая модернизация сравнительно легко захватывает маргинальные культуры, такие как Япония и Россия, но вряд ли можно говорить, что действительно была капиталистическая Индия или Китай. Были капиталистические Бомбей и Калькутта, капиталистический Шанхай, но не было капиталистического Китая, Индии. Эти культуры так и остались лишь слегка затронутыми капитализмом.

Таким образом, всемирно-историческая формация только устанавливается, и наиболее хребтовые азиатские культуры, как, например, Индия и Китай, до сих пор сохраняют все свое очень глубокое своеобразие. И, когда мы рассматриваем, скажем, Китай (это очень актуальный вопрос, потому что политика Китая нас очень живо затрагивает и может затронуть еще более живо, чем сейчас) — возникает вопрос: что это, — национальный вариант социалистической формации или что-то другое? Что это, — культура национальная по форме, социалистическая по содержанию или наоборот: культура социалистическая по форме, но традиционно китайская по содержанию? И та, и другая концепции могут быть логически развернуты. Обе эти концепции могут что-то сказать, но ни та, ни другая не исчерпывают проблему.

Еще Ленин ставил вопрос о двух путях развития капитализма: русском и американском. В XX веке выявилось еще большее различие между, скажем, демократическим и фашистскими вариантами развития Европы. Можно сказать, что фашизм — не путь, а тупик. Но, так или иначе, различие между

двумя вариантами формации, — демократическим и фашистским, — в истории Западной Европы оказалось более существенным, чем различие между формациями (капитализмом и социализмом) и князя место антигитлеровская коалиция. Причем наиболее мудрые и дальновидные западные политики это понимали, а те, которые исходили из того, что главное — это различие между капитализмом и социализмом, оказались на мюнхенских реяхсах и поощряли гитлеровский фашизм, считая, что он только поболует, а в основном это, все-таки, свой, так как он против советской власти.

Наблонное мышление у мюнхенцев было такое, что главное — это различие между формациями, а различия в вариантах формации несущественны, второстепенны. При этом скрадываются различия между путем и тупиком, между дорогой и пропастью, в которой нет ничего, кроме смерти. Я боюсь, что элементы подобного наблонного мышления действительно и сейчас в отношении китайского развития. Некоторые недооценивают возможности вырождения революции. Это может привести к очень печальным последствиям.

Теперь взглянем на современный Китай иначе — не как вариант социализма, а как социалистический (или псевдосоциалистический) вариант традиционной китайской структуры. Об особенностях этой структуры очень интересно говорил А.С. Мартынов на дискуссии об азиатском способе производства в ИНАС^{х)}, на примере "гипертрофии функции" Цинского Китая в Тибете.

Возьмите близкий к нам Китай в период "ста цветов". Как вам известно, было разрешено тогда критически сотрудничать с режимом. И многие китайские интеллигенты приняли это за чистую монету и сделали ряд чрезвычайно толковых и дельных замечаний. Но в Китае существует гипертрофия охранительной функции. Поэтому "ста цветов" были сразу отброшены, а тех, кто критически выступал, заставили каяться приблизительно в таких выражениях: "я — отвратительный агент американского империализма, я недостойн жить на свете и дышать одним с вами воздухом, и т.д."

х) Опубликовано в сб. "Общее и особенное", М., Наука, 1966.

Возникает вопрос: вот эта гипертрофия охранительной функции откула должна выводиться — из традиционной китайской структуры или же из особенностей революционного развития? Конечно, можно вынести гипертрофию охранительной функции из общих особенностей революционного развития, но, с другой стороны, ее традиционные корни очевидны.

Таким образом, надо поставить вопрос об описании действительности не только в рамках одной модели. В химии полезным оружием является теория резонанса (которую критиковали, как и все интересное, в 40-е годы). Речь идет о том, что высокомолекулярные соединения в химии не поддаются описанию в рамках одной модели и можно представить себе молекулу только как резонанс 2-3 моделей. Соединить их в одну логическую модель не удастся. Возможно, в будущем удастся, но пока приходится описывать одно и то же явление "резонансом" (интуитивным равновесием) нескольких схем.

Мне кажется, что с той же точки зрения надо подойти и к исследованию трудных общественных вопросов. Необходимо им должны подводить все только под одну модель, иначе мы эту модель скомпрометируем.

Таким образом, наряду с понятием "формация" мы должны применять и какую-то другую модель; тогда каждая модель будет применяться в рамках ее рационального использования, в рамках, в которых все время она может проверяться фактами. Тогда удастся избежать таких натяжек, когда какое-то явление искусственно выводится из базиса, в то время как базис этот является тем, что дает соответствующую надстройку, т.е. мы избежим порочного круга.

/Вопрос М.А.САРГА: У меня вопрос: несколько моделей в одной и той же структуре или же для каждой структуры своя модель?/

Существуют исторические явления, для которых надо создавать свои особые модели. Например, для традиционной Индии и традиционного Китая. В другом случае надо разрабатывать варианты существующей модели. Например, Ближний Восток я рассматриваю, как вариант средиземноморской

структуры. В третьем случае идет процесс социальных сдвигов, а этот процесс надо описывать с разных широких сторон. Сейчас идет процесс образования единых мировых формаций, но им противопостоят локальные структуры.

/Вопрос В.М.Ароновича: Чем определяется развитие интеллекта?/

Не могу ответить Вам на этот вопрос. Думаю, всей совокупностью развития действительной жизни. "Воспроизводством действительной жизни", как выразился Бигельс. Но это воспроизводство в целом логически неумовимо. То одно, то другое выдвигается вперед. Только в конкретной обстановке можно сказать, что первично. Например, в новое время экономика явно была той сферой общественной жизни, той сферой воспроизводства жизни в целом, которая лидировала. В XIX веке определенно экономика лидировала. Но не думаю, что в эпоху крестовых походов она лидировала. Каждый раз надо исследовать, какая сфера общественной жизни в данных условиях, в данной исторической ситуации является лидирующей.

ВОПРОС:

Были ли определенные производительные силы и определенные производственные отношения в Индии и Китае?

Г.С.Померанц

Что касается производственных сил, то производительные силы — это рабочая сила, предмет труда и орудия труда. Предметы труда в Индии и Китае различны. Я имею в виду географические различия. Рабочая сила (если учитывать идеологию и психологию) тоже в каждом месте иная.

ВОПРОС:

Но какие-то отношения там были?

Г.С.Померанц

Конечно, были. Но там возникла более консервативная

структура, а в Европе по ряду причин возникла более динамичная. Экономика Индии, Китая Средневековой Европы одинаково базируется на крестьянском труде, но это не снимает колоссального различия европейского феодализма, классового строя Индии и китайского этатизма.

Я хотел бы в двух словах ответить на замечания, сделанные по моему адресу. Мне кажется, они являются результатом просто недоразумения.

Первое замечание, по-моему, основано в значительной мере на непонимании. Мне кажется, что моего оппонента сбивает с толка двусмысленность слова — материя, которое часто употребляется в оппозиции к слову — дух. Но если материя брать как объективную реальность, как полноту, целостность бытия, то дух тоже объективен. И вот с этой точки зрения я не считаю, что подчеркивать роль духовного бытия означает философский идеализм. ^{х)}

По поводу второго замечания мне хочется сказать, что я вовсе не сторонник абсолютного вычленения исторической индивидуальности из единого исторического процесса. Это опять-таки просто недоразумение. Если я говорю об Индии и о Китае, как о самостоятельных структурах, это не значит, что я ставлю вопрос, что они не могут быть включены в единую систему. Но я считаю, что существуют разные, исторически реальные пути развития классового общества — это средиземноморская культура и индийская и китайская культуры. Сейчас, возможно, эти пути начинают сходиться, но лишь начинают.

В одной из своих работ я пытаюсь показать, что в известной мере существуют какие-то общие закономерности, характерные для всех этих культур, но в каждой из них они проявляются по-своему. Таким образом, я вовсе не представляю единой точки зрения на всемирную историю.

х) Это логически вытекает из ленинского определения материи. Но само определение вряд ли удачно. Г.П.

И, наконец, третье замечание, которое мне хотелось сделать, вызвано выступлением Б.С. Поршнева, с которым я в основном тоже не согласен, хотя считаю его выступление интересным. Это очень ярко высказанное мнение, что существуют некоторые постулаты, на которые следует наложить табу и лучше ими не пользоваться.

Дело в том, что сейчас эпоха очень большого оживления мысли, после длительного периода, когда она не функционировала. Поэтому, естественно, в научной аудитории выносятся ряд вопросов, которые выходят за рамки данного обсуждения, данной темы и может быть даже данной науки. Но это неизбежно в той обстановке, в которой мы сейчас живем. Поэтому нельзя считать несерьезным введение в науку некоторых может быть даже парадоксальных идей и нельзя считать с тем, что на этом не удастся сразу построить учебник. Наши учебники, надо прямо сказать, очень плохие; и чтобы собрать материал для их перестройки, в научной аудитории, мне кажется, надо использовать смелые идеи, которые резко противоречат предшествующему опыту. Я нахожу, что это как раз надо приветствовать, и наука от этого, как показывает современная физика, ничего не проиграет.

1966 г.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ.

Суждения физики считаются достоверными, а суждения литературной критики — недостоверными.

Между тем, биография отдельного электрона вообще не может быть написана, и нас это не волнует и не заставляет бранить физиков только потому, что /если не говорить об известной группе философов/ до отдельного электрона никому дела нет. А от критики мы требуем суждений об индивидуальном.

Пока таких суждений немного, они представляют собой нечто вроде отдельных измерений отдельного электрона, — неизвестно, где в них кончается субъект и начинается объект. Но постепенно образуется ансамбль измерений, вступают в силу законы статистики, и то, что волнует миллион Вань и Маш, становится фактом истории. Бестселлеры представляют интерес, по крайней мере, как свидетельство о вкусе эпохи.

Этот интерес может быть вызван обстоятельствами, не имеющими ничего общего с эстетикой. Но проходит 20 лет — и "Бруски" уже невозможно читать, а в "Поднятой целине" что-то остается. /мы не будем обсуждать, сколько/. Проходит еще 50, 100, 1000 лет, борьба гвельфов и гибеллинов теряет всякую актуальность, спор Теректа с Одиссеем волнует только историков — а Данте читает, Гомера читает. То, что сохраняется, когда смолкает забота дня, когда сама культура, вызвавшая его к жизни, исчезла, — ради чего ценители изучают мертвый уже язык, — стало безусловным фактом искусства. Сомневаться в этом так же трудно, как в реальности луны.

Отдельный человек может не чувствовать красот древних памятников. Это не всегда зависит от образованности, от общего эстетического развития. Шестилетний мальчик со слезами на глазах читает бабушке Гомера, а многие взрослые зевают над Илиадой. Индивидуальность не была бы самой собой, если бы превратилась в мировой дух, одинаково чувствительный к Сафо и Цветаевой. То, что волновало значительные

группы людей разных культур, заслуживает попытки познакомиться с ними и полюбить. Но если любовь не возникает, этого так же нельзя стыдиться, как неспособности полюбить Ивана или Марью. Человек, который никого не способен полюбить, неполноценен; но никто не способен полюбить всех /кроме, может быть, Христа: но это, пожалуй, доказывает, что Христос не существовал/. Без различий вкуса не было бы вкуса вообще.

К сожалению, многие люди неуверенны в себе и тайно стыдятся себя. Поэтому они рассуждают, как Пигасов: либо Гегель дурак, либо я; но согласитесь, что как-то неудобно считать себя дураком... Именно этот лозный стыд и лозное стремление к самоутверждению заставляли время от времени "сбрасывать Пушкина с корабля современности". Неустойчивость эстетических суждений по отношению к классикам — факт скорее морального, чем интеллектуального порядка. Когда отвлечься от пигасовских соображений, никому не придет в голову отрицать, что Ильяда — великое художественное произведение.

Поэтому мы достоверно знаем ряд великих писателей, художников и их произведений, отобранных историей. Мы знаем, что драмы Г.Х.Андерсена слабы, а сказки хороши, что "Африка" не увеличила прав Петрарки на бессмертие. Изучая классические произведения, можно прийти к известным выводам о структуре поэтического факта, к теории искусства, к познанию некоторых законов его. Практически всегда оказывается, что эти законы не универсальны, — но таковы же и законы физики, хотя физические факты, физические структуры несравненно проще эстетических. Поэтика Буало рухнула, но так же рухнула ньютоновская физика; и, с другой стороны, у Буало, как и у Ньютона, были не только заблуждения. Относись к законам эстетики с известной осторожностью, можно, опираясь на них, анализировать и оценивать современные явления, о которых приговор истории еще не вынесен. Правда, это нелегко. Положение эстетики можно было бы сравнить с положением биологии, если бы изменение видов происходило у нас на глазах; но даже этот при-

мер простоват.

Возможности строго логического анализа, вследствие сложности и текучести научных структур, в эстетике значительно меньше, чем в точных науках. /точность которых не стоит им большого труда/. Но зато на помощь, при изучении искусства, приходит оно само, развивая в критике "вкус", поэтическую способность, аналогичную той, которая создает объекты эстетичны. Хороший вкус еще важнее для критика, чем хорошая теория. Белинский каждые 2-3 года менял свои взгляды, но при этом почти не менял основных своих оценок. Вкус хорошего критика часто достаточно точен, чтобы отделить значительное и великое от ничтожного. Огромное большинство "приговоров" Белинского о русской литературе высшая инстанция утверждала: мы оцениваем сравнительное достоинство Державина и Карамзина, Пушкина и Вяземского примерно так же, как этот недоучившийся студент, исключенный из Московского университета. Академическая наука внесла свой вклад скорее в изучение структуры творчества этих писателей, чем в установление первичного факта его бытия как поэтического явления.

Попробуем подвести итоги. Мы достоверно знаем, что Софокл и Шекспир — великие драматурги. Изучая структуру их произведений и развивая вкус при чтении их, мы можем научиться делать весьма вероятные заключения о ценности таких драм, как "Табричная девочка" или "Лисица и виноград". Эти суждения, во всяком случае, гораздо обоснованнее и надежнее, чем суждения физиков об отдельном электроме. Признать это мешает только то, что обыватель равнодушен к природе света и поэтому охотно уступает ученым право судить о нем. А к природе театра он неравнодушен /без чего, разумеется, театр не мог бы существовать/ — а так как искусство затрагивает его за живое, он склонен считать себя до некоторой степени знатоком, принимая свои индивидуальные эстетические суждения объективное значение, которое они приобретают только умножением на число и на время. Эта естественная человеческая слабость публики не должна рассматриваться как недостаток эстетики.

Таким образом, неперенос, что суждения типа "Сикстинская мадонна прекрасна" недостоверны. Суждение Карнага и его школы основано на неясном понимании понятия прекрасного. Если мы условимся, что прекрасное — общее свойство произведений искусства, возмывавших людей разных эпох и культур, то первичные факты эстетики следует признать проверенным опытом человечества и не менее достоверными, чем первичные факты любой точной науки. Они более достоверны, чем суждения о любых других выдающихся явлениях.

1958 г.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСКУССТВО.

Каждый человек — мечтатель, хотя бы во сне. Но только немногие имеют смелость грезить наяву; большинство робеет и не решается сказать краски времени и пространства. Не хватает конструктивной силы, и пугает возникающий хаос. Только художник способен, как бог, создать новый мир: не проект моста, платья или политического учреждения, которые в самом деле можно построить,шить и осуществить, а что-то в самом деле несбыточное и небывалое — и в то же время близкое и нужное.

Почему оно близко, на что оно нужно? Зачем девочки выписывают в альбомы стихи? Зачем мальчики читают книги про дальние страны?

Действительный мир полнее выдуманного. Но мальчики и девочки хотят другого. Не потому, что оно такое ниц или эдакое, а потому, что оно другое. Само по себе другое может быть не лучше того, что есть. Но оно привлекает к себе, потому что оно — другое. Два противоположных желания приводят к искусству: найти выражение своим не совсем осознанным чувствам — и случай измыслить что-то новое, неизведанное, привлекательное самой необычностью. Первое ведет к песне, второе — к сказке, но оба легко переплетаются: и в интересах публики, и в созданиях художников. Потому что оба основаны на желании другого: другого себя и другого мира. Другого — и в то же время своего, своего — и в то же время неизвестного; ибо меньше всего на свете мы обладаем самими собой, своими возможностями; без случая проявиться они бредят, как тени, в глубине души, угнетая ее сознанием неполноты жизни.

Только в бесконечно разнообразном мире мы могли бы вступить в обладание своей личностью, найти почву, на которых вырастут все наши семена. Но координаты пространства и времени, как рельсы, не позволяют свернуть вправо и влево. И приходится создавать воображаемые миры. Уже само чувство контраста между ними и действительностью освобождает; когда один из этих миров сливается с жизнью,

становится частью ее — происходит то, что формалисты называли "автоматизацией приема". Возникает потребность в новом искусстве. Действительность, — как бы она ни была мейсина, поэтична, как бы она ни была совершенна, — никогда не удовлетворяет сполна. В ней, как в гавани, не хватает простора. Только тогда, когда подняты паруса, корабль живет полной жизнью; живет, когда плывет в неизвестное, в никуда.

Художник создает проект, который невозможно осуществить, проект несбыточного. Но если мы влюбляемся в сказку, если она даже нам испытать счастье и тревоги любви — искусство выполнило свое дело. Оно подарило нам новую жизнь — вторую, десятую, сотую. Мысль о бессмертии, о вечном перевоплощении, невозможная в действительном мире, сбывается в мирах, созданных воображением поэта. Там мы становимся богами — и оттуда спускаемся в мир, чтобы спасти его /или, может быть, погубить/.

Погружение в искусство может и должно вызывать у публики не только непосредственную влюбленность в его краски, но и желание испытать в самой жизни чувства, пережитые художником, когда он создавал свою образную или условную композицию. Искусство заставило десятки Татьян нежась среди соседних помещиков героя сентиментального романа, Огаревых — мечтать о заговоре Энеско. Таким образом, искусство может играть /и играет/ важную роль в развитии общества — но только тогда, когда оно выполняет свое первое и главное назначение: влюбляет публику в свои создания. К чему эта влюбленность подтолкнет, невозможно учесть. Корнель не предполагал, что его трагедии вдохновят на штурм Бастилии. Но это случилось.

Я сказал: искусство дает человеку испытать счастье и тревоги, радость и боль любви. Не только счастье, не только радость! "Эстетическое наслаждение" — формула, кото-

рая стала банальной от повторения; и все же, мы ходим, — хотя и не все, — на "тяжелые" фильмы, читаем книги, которые мучают нас, и эта эстетическая боль иногда накладывает самые глубокие отпечатки на душу. Искусство бесконечно расширяет наш опыт — не только радостей, но и печалей. Боль иногда необходима душе, как таежному оленю — соль; он пробегает сотни верст, чтобы лизнуть ее. Раны, нанесенные деревянными мечом искусства, редко бывают смертельными; их не боятся, и легче одевает на голову бутфорский терновый венок, который не жалит лба. Но следы в душе остаются, и она вырезает, принимая в себя воли чужой старой радости и чужого старого горя. Благодаря искусству, отдельная человеческая душа становится душой человечества, душой бога, поднявшего на свои плечи все грехи мира и вместившего в сердце все его добро. В это чувство расширения своих границ дает удовлетворение даже тогда, когда новая область царства приносит одни заботы.

Искусство — бить может, но единственный, но один из главных путей, по которому человек приближается к целостному бытию, вырвавшемуся из клетки пространства и времени. Опыт его — не рядовой человеческий опыт. Это опыт любви — или страдания от невозможности любить. Это опыт чувств, мыслей и поступков настоящих существ — более настоящих, чем те, кто девять месяцев созревает в чреве, лет 18 растут и остальное время делают не то, что хотят, и не то, что нужно. Впитывая в себя искусство, мы — в радости или в боли — набираемся чудесных семян. Вырастут ли из них чудесные цветы — зависит от почвы и климата. Дело искусства — сеять.

1958 г.